HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	Стереотип русского в языковой картине мира украинцев : Концептуально-когнитивный анализ
Author(s)	Попович, Людмила
Description	ISBN: 9784938637576 Глава 1
Relation	Россия и русские глазами инославянских народов : язык, литература, культура 1.［野町素己編集］
Citation	スラブ・ユーラシア研究報告集, 3, 3-34
Issue Date	2010-12
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/47688
Type	departmental bulletin paper
File Information	SEP3_002.pdf

Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers : HUSCAP

Глава 1

Стереотип русского в языковой картине мира украинцев: Концептуально-когнитивный анализ

Людмила Попович

Стереотип и прототип в качестве базовых понятий исследования

Когнитивная лингвистика выдвигает в первый план вопрос о концептуализации действительности в языке. Пользуясь методологическим аппаратом когнитивной антропологии, мы можем ответить на вопрос о том, каким способом в языке отражаются когнитивные структуры и каким образом действительность влияет на формирование когнитивных структур.[1] Таким образом, мы возвращаемся к известному треугольнику язык-мышление-действительность с целью выбора новой модели взаимопроникновения их структур. Структура языкового знака объединяет форму и понятие, структура действительности охватывает взаимоотношения между явлением и его «объективным» денотативным пространством – пространственно-временными координатами, а структура мышления отражает «субъективное» денотативное пространство, сформированное вследствие специфики индивидуального восприятия и разных способов кон-

1 *Лакофф, Джордж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Т. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 12–52.

цептуализации полученной информации путем ее обобщения, типологии, индукции, дедукции и подобных ментальных операций.

Особый интерес в структуре мышления вызывают критерии концептуализации действительности. В процессе их выявления необходимо не упускать из виду, что конкретный фрагмент действительности может быть постигнутым или непостигнутым с точки зрения индивидуального осознания. Если явление внеязыковой действительности и/или его денотативное пространство представлены в эпизодичной памяти носителя языка в качестве соответствующего фрейма, у говорящего формируется определенное отношение к этому факту путем введения в сферу субъективной идентификации референта элементов, которые в конечном итоге могут быть сведены к этическому комплексу «хорошо-плохо». Такое моделирование денотативного пространства можем определить, как его субъективизацию, в результате которой явление приобретает не только пространственно-временные координаты, но и соотносится с соответствующим опытом говорящего, становится частью его языковой картины мира. Любой фрагмент действительности проходит процесс опознания в субъективном денотативном пространстве говорящего. При этом, одно и то же явление может расцениваться как хорошее и плохое одновременно – в зависимости от контекста ситуации или так называемой когнитивной рамы. Речь идет о теоретической когнитивной абстракции различных концептов картины мира, организованных в сознании говорящего.[2] Например, огонь может соотноситься с критерием «хорошо» в контексте теплого домашнего очага или с критерием «плохо», если в опыте говорящего «профилируется», т.е. актуализируется, выступает в первый план, пожар, боль от ожега и т.п.

Если в субъективном денотативном пространстве говорящего отсутствует индивидуальный опыт в связи с определенным фрагментом действительности, такой референт также соотносится с координатами «хорошо-плохо», но уже, исходя из стереотипа, который можно определить на психологическом уровне как чужой опыт.

2 *ван Дейк А.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 217.

На языковом, знаковом, уровне отношение между индивидуальной и стереотипной оценками явления или референта проявляется в возможности выявления базового компонента понятия и формирования понятийной парадигмы или использования синтагматически связанных «заготовок» – эпитетов, идиом, фразеологизмов, пословиц, поговорок и т.д.[3] В нашем понимании[4] речь идет о способности говорящего выделить прототип в качестве оригинального концепта интерпретируемой действительности или о автоматическом использовании стереотипа в качестве ассоциативного прототипа, бытующего в определенной языковой картине мира.

Когнитивный прототип исследователи чаще всего рассматривают в контексте понятия стереотип. Хиллэри Патнам[5] связывает стереотип с общепринятым образцом. Для нее стереотип – это, в первую очередь, закрепленный в обществе образец. Джордж Лакофф примечает в связи с толкованием стереотипа Патнам следующее: «Hilary Putnam has used the term *stereotype* for roughly what Minsky has described as a frame with default values. A *stereotype* for Putnam is an idealized mental representation of a normal case, which may not be accurate. What we have called social stereotypes are, in a sense, special cases of Putnam's concept».[6] В понимании Лакоффа

3 См. толкование стереотипа в работах H. Putnam, "Mind, Language and Reality," *Philosophical papers* 2 (Cambridge: Cambridge University Press, 1975); J. Bartmiński, "Stereotyp jako przedmiot lingwistyki," *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej* III (1985), pp. 25–53. J. Bartmiński, "Słownik ludowych stereotypów językowych. Założenia ogólne," *Etnolingwistyka* 1 (1988), pp. 11-34.

4 *Поповић, Људмила.* Језичка слика стварности: Когнитивни аспект контрастивне анализе. Београд: Филолошки факултет, 2008.

5 Putnam, "Mind, Language and Reality."

6 George Lakoff, *Woman, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind* (Chicago-London: University of Chicago, 1987), p. 116. Хиллэри Патнам использовала термин стереотип приблизительно так, как Мински описал фрейм со стандартным значением. Для Патнам стереотип – это идеализированная ментальная репрезентация среднего представителя общества, которая не обязательно должна совпадать с истинной. То, что мы определяем как социальный стереотип, в определенном смысле, является особым случаем стереотипа в толковании Патнам.

социальный стереотип является особым видом прототипа: типичная мать – домохозяйка, типичный японец – работящий, воспитанный, умный...[7] Список выделенных Лакоффом прототипов подтверждает, что он не отделяет прототип от стереотипа. Под прототипом Лакофф подразумевает и идеал в качестве его особого вида. Например, идеальный мужчина – хорошо зарабатывает, верен жене, вызывает уважение, привлекательный.[8] Как-то сразу вспоминаются слова популярной эстрадной песни: *Чтоб не пил, не курил и цветы всегда дарил... в дом зарплату приносил... тёщу мамой называл... а к тому же, чтобы он и красив был и умен*. Как видим, типичное представление об идеальном мужчине в обоих случаях почти полностью совпадает, с определенными различиями, отображающими специфичную логику представителей русской лингвокультуры – имеется в виду ироничное обыгрывание отношений между зятем и тёщей – весьма эксплуатированный в русской лингвокультуре стереотип.

С другой стороны, стереотип мужа в том же месте у Лакоффа описан с помощью атрибутов *bumbling, dull, pot-bellied* (любит выпить, скучный, с животиком).[9] Лакофф будто-бы не замечает, что в обоих случаях речь идет о стереотипе. В первом примере представлен положительно маркированный концепт стереотипа, а во втором – тот же концепт отрицательно отмечен. Оба примера указывают на наличие определенного коллективного представления о типичных атрибутах хорошего/желаемого или плохого/нежелаемого мужчины/мужа. И когда Лакофф отмечает: «cultural knowledge about ideals leads to prototype effects»,[10] можем только не согласиться, так как, по нашему мнению, культурологические знания об идеале не ведут к созданию прототипа, а способствуют формированию стереотипа. Речь идет о коллективной, ассоциативной, общественно апробированной репрезентации.

В связи с существенными различиями в подходах к прототипу и стереотипу в работах лингвистов, считаем необходимым дать

7 Lakoff, *Woman, Fire and Dangerous Things*, pp. 79–85.
8 Lakoff, *Woman, Fire and Dangerous Things*, p. 87.
9 Там же.
10 Там же.

свое определение этих ключевых понятий нашего исследования. В настоящей работе, как и в ряде других,[11] *под прототипом понимаем самый яркий пример из личного опыта говорящего, хранимый в его эпизодичной памяти и соотносимый с координатами субъективного денотативного пространства, расположенными на шкале индивидуальной оценки между положительным и отрицательным полюсами.* Таким образом, речь идет об индивидуальном фрейме, помещенном в определенную матрицу ценностей, которая определяет моральный, этический, эстетический перцептивный комплекс каждого человека. Субъективное денотативное пространство (индивидуальная шкала субъективной оценки денотата) формируется в детском возрасте, когда ребенок пытается соотнести действительность со своей системой ценностей и таким образом помещает себя в его матрицу – борется за свое место в мире.

Со временем стереотип, навязанный определенными авторитетами (так называемыми идолами – в детстве родителями, а позже успешными представителями общества, подражанию которых стремится большинство, и пр.) вытесняет прототип, практически перебирает его роль в процессе концептуализации действительности. *Стереотип является ассоциативным прототипом (т.е. чужим опытом в связи с фактом внеязыковой действительности). Перенимая его, говорящий получает фрагмент коллективной языковой картины мира.* Языковая картина мира соткана как из индивидуальных прототипических концептов, так и из коллективных – стереотипных, заснованных на наивных представлениях и энциклопедической информации.

Говорящий перенимает стереотип как часть коллективной картины мира, когда ему не хватает личного опыта для формирования субъективного денотативного пространства явления. Например, стереотипное представление о женской красоте представитель муж-

11 *Поповић, Људмила.* О прототипском и стереотипском начину концептуализације боја у језику (На примеру словенског фолклора) // Ајдачић Д. (ур.) Кодови словенских култура. Београд: Клио, 2001. С. 14–31; *Ее же.* Фокусна перспектива украјинске књижевности. Београд: Филолошки факултет, 2007; *Ее же.* Језичка слика стварности.

ского пола перенимает в случае отсутствия соответствующего прототипа в его субъективном денотативном пространстве. Если же образец женской красоты, хранимый в эпизодичной памяти говорящего достаточно яркий, мужчина всегда воспользуется им – отсутствие прототипа склоняет говорящего к стереотипу.

Определяя стереотип необходимо подчеркнуть, что речь идет не об отдельном концепте, а о семантическом поле с центром и периферией. Центр стереотипа составляет информация эссенциального характера, она часто может не совпадать с энциклопедической, так как к ее познанию вел путь интуиции, в то время как остальные значения расположены на шкале между отрицательной и положительной оценками говорящего. «Полюсную» структуру стереотипа подтверждают данные ассоциативного эксперимента. Большинство ассоциативных исследований показывает, что стимулы и ответы часто резко противоположны по значению, что свидетельствует о формировании и хранении стереотипа в форме шкалы с контрарными полюсами.

«Свой» и «чужой» как два полюса одного стереотипа

Предметом настоящего исследования являются механизмы концептуализации стереотипа в языковой картине мира украинцев, в частности, выявление с помощью лингвистической семантики определенной культурной модели конкретного ксеноэтнонима. Такое исследование необходимо начать с анализа концептов «свой» и «чужой» в качестве двух полюсов одного и того же стереотипа. По мнению Гадамера, понять себя в этом мире означает также и понять себя в отношении к другим. А «понимание себя в отношении к другим» означает понимание других.[12] При этом «я» и «другой» в данном случае концептуально соответствуют понятиям «свой» и «чужой».

Если заглянуть в этимологический словарь Макса Фасмера, то можно найти предположение о происхождении слова «чужой» од

12 *Ґаадамер, Ґанс-Ґеорґ.* Різноманітність мов і розуміння світу // Герменевтика і поетика. Київ: Юніверс, 2001 С. 171.

формы, заимствованной из готского *Þiuda* «народ».[13] Тот факт, что у германцев эта этимология просматривается в этнонимах, напр. *Teutones, Deutcsch*, послужил основанием к предположению о том, что понятие «чужой» у славян складывалось в связи с восприятием конкретного (германского) племени, впоследствии проектированном на всех чужеземцев. Однако, славянское слово «чужой» содержит в себе не только сему, передаваемую, например, английским *foreigner,* но и сему, содержанную, в том же английском языке, в слове *stranger*. Поэтому, значение слова «чужой» в славянских языках следует связывать с более древней этимологией, т.е. выводить его из и.е. корня **teu-/*tu-* (расти, буять), просматриваемого в однокоренных словах *тысяча, затылок, творог*.[14] В таком контексте слово «чужой» воспринимается как буйный, т.е. густой, непроходимый, не позволяющий сориентироваться. В данном случае можно предполагать, что речь идет об отсутствии одинакового семиотического пространства, т.е. о несовпадении координат субъективного денотативного пространства «своих» и «чужих». Поэтому, в славянском понимании «чужой» – это тот, кто оценивает то же явление по другому, отличительно от способа оценки, сложившегося в среде «своих».

Конкретно, в украинском языке «чужими» могут быть и «не родственники» – *У той часті потопає два брати рідненьких, як голубоньки сивенькі. Помеждо ними третій чужа чужанина*[15] и соседи – *Сусідо, сусідо, молода челядино, та чужая чужанино, прийми мене до смерти жити*,[16] и соседнее село – *Виряжала мати дочку в чужу стороночку*;[17] *...привикай, серце, до чужого села та до но-*

13 *Фасмер, Макс.* Этимологический словарь русского языка. Т. 4. Перевод с немецкого и дополнения О.Н.Трубачева. М.: Прогресс, 1973. С. 379.

14 Petar Skok, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* (Zagreb: JAZU, 1973), p. 519.

15 *Грінченко, Борис.* Словарь української мови, тт.1-4. НАН України. Ін-т української мови. Київ: Наукова думка, 1996. Т. 4. С. 476.

16 Там же.

17 Там же.

вої рідні,[18] и соседний народ – *Як малоліттє було, то прийшов чужоземець татарин*,[19] т.е. всякий случай противопоставления своих образцов поведения, оценки, способа общения другим оценивается как утрата устоявшихся координат субъективного денотативного пространства, потеря возможности пользоваться ими в качестве ориентиров в будущем. Речь идет о необходимости изменения выработанных образцов поведения, приспосабливания к новым. Об этом свидетельствуют многочисленные народные пословицы и поговорки – *На чужій стороні кланяйся й вороні; У чужому стаді не перебирай; На чиїм возі сидіть – того й волю волить; На чиєму току молотить – тому й хліб возить; В чужій церкві не паламарюй; В чужий манастир з своїм уставом не ходи* и т.д.[20] Человек изнова формируется, перенимая новые стереотипы и сохраняя прототипические образцы, обогащая их фонд новыми. Такой период коренного переустройства сознания личности обычно воспринимается отрицательно, поэтому переезд в «чужбину», будь то другая семья или далекие края, ассоциируется со смертью, на уровне обряда оформляется тем же образом (сравните общность похоронно-поминальных, свадебных и рекрутских причитаний).

С другой стороны, «свой» в коллективном сознании украинцев ассоциируется с идентификацией явления внеязыковой действительности в одном и том же семиотическом пространстве, с устоявшимися образцами поведения, с общепринятой нормой, т.е. представление о «своем» прямо пропорционально количеству узнаваемых элементов в субъективном денотативном пространстве другого – в том числе, общему количеству одних и тех же стереотипов. Пословицы и поговорки, отражающие вековые культурные, морально-этические и другие установки народа, подтверждают это предположение: *Своя хата й своя воля; Своє взяв та й прав; В своїм*

18 *Нечуй-Левицький, Іван.* Кайдашева сім'я // Твори: В чотирьох томах. Київ, 1956. Т. 2. С. 326.

19 *Грінченко.* Словарь української мови. Т. 4. С. 476.

20 *Номис, Матвій* (уклав). Українські приказки, прислів'я і таке інше. Збірники О.В. Марковича та інших. Київ: Либідь, 1993. С. 427-432.

добрі всяк хазяїн; На своїм коню як хочеш; Кождий пес на своїм сміттю гордий; Чи сіре, чи чорне, та все своє добре.[21]

Из такого противопоставления становится ясным, что координаты «свой – чужой» часто смещаются, чужой может стать своим в оппозиции к другому чужому, в субъективным денотативным пространстве которого менее общего. Таким образом, родня мужа становится своей в оппозиции к другой семье, соседям, соседи – свои в оппозиции к жителям другого села, жители другого села – одноплеменники в отношении к представителям другого народа, представители другого народа – свои в сравнении с народами другой веры, завоевателями и т.д.

В дальнейшем тексте на примерах из украинских фольклорных текстов – пословиц, поговорок, народных песен, а также художественных произведений XVII–XX вв. попытаемся раскрыть, каким образом формировался стереотип русского в языковой картине мира украинцев, концепты которого перемещались то к положительному, то к отрицательному полюсам, в зависимости от конкретного исторического периода, конкретной оппозиции «свой – чужой» в контексте других народов.

Этноним «москаль» в украинской культуре

Несмотря на то, что представитель российского народа, великоросс, россиянин в качестве типичного образа бытует в украинском фольклоре и в художественной литературе, начиная с семнадцатого века, само слово россиянин, русский в этих произведениях, как правило, не встречается. Вместо него широко представлен этноним «москаль», происхождение которого этимологически прозрачно – москаль от Москва. В таком значении это слово встречается во многих славянских языках – в чешском, словацком, польском.[22] О том, насколько широким является семантическое поле слова «москаль» в украинском языке свидетельствует «Словарь української мови» Бо-

21 *Номис*. Українські приказки. С. 427-429.

22 Етимологічний словник української мови. Київ: Наукова думка, 1989. С. 3, 519.

риса Гринченка, в котором 17 словарных статей посвящено данному этнониму и образованным от него дериватам: *москаленко, москаленя, москалик, москалитися, москаличок, москалів, москалівна, москаль, москальня, москальство, москальча, москальчик, москальчук, москалюга, москва, московець, московщеня, московщина, московство*.[23] Всего, около 30 различных значений, из которых главными являются следующие – 1) великоросс; 2) солдат. То, что с определенным народом в коллективном представлении связано понятие о конкретном сословии усложняет исследование данного рода вследствие возможности спутывания понятий, однако помогает в другом – в рассветлении формирования структуры стереотипа «русский» в украинской культуре. Очевидно, что совпадение представлений об определенном сословии и народе вызвано тем, что у украинского народа восприятие россиян происходило путем знакомства с представителями российских войск в процессе совместной борьбы с общими врагами или же вследствие размещения этих войск на территории Малороссии/ Украины (в том числе, с целью подавления крестьянских бунтов).

В словаре Владимира Даля о слове «москаль» сказано: «москвич, русский, солдат, военнослужащий».[24] Там же находим следующие пословицы: *От москаля, хоть полы отрежь, да уйди! Кто идет? Черт! Ладно, абы не москаль; С москалем дружись, а камень за пазухой держи (а за кол держись); Мутит, как москаль, а чтобы концы хоронил; Знает москаль дорогу, а спрашивает! Москалить – млрс. мошенничать, обманывать в торговле*.

В словаре Гринченка также находим фразеологизмы на тему «москаль», например: *«підпускати, підвозити москаля»* в значении «лгать, надувать, обманывать», а также *«пеня московська»* – «человек без причины и сильно придирающийся».[25] Больше пословиц и поговорок такого рода содержит словарь Матвея Номиса (Симонова) «Українські приказки, прислів'я і таке інше» (1864), в котором

23 *Грінченко.* Словарь української мови. Т. 3. С. 447.

24 *Даль В.И.* Толковый словарь, живаго великорускаго языка. Т. 1-4. Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. СПб., М., 1880–1882.

25 *Грінченко.* Словарь української мови. Т. 3. С. 447.

собраны записи многих фольклористов, в том числе ученых, писателей, общественных деятелей XIX века. В указанном сборнике, в числе других этнонимов, таких как: литвин, лях, жид, цыган, немец, собраны на трех страницах пословицы на тему «москаль».[26] Высветленные в этих пословицах черты свидетельствуют об уже сложившемся стереотипе, в котором преобладает отрицательный концепт, главными семантическими атрибутами которого являются следующие черты:

- хитрость: *Москаль як ворона, та хитріший чорта*;
- склонность к воровству: *Коли чорт та москаль що вкрали, то поминай як знали;*
- двуличие: *Казав москаль право, та й збрехав браво;*
- надменность: *Москаль ликом чваниця й кожному під ніс з ним пхаєцця;*
- склонность к подчинению других: *Москаль здавна вже панує, бо бач завше;*
- черствость: *Москаль на слёзи не вдаря.*

Как видим, стереотип довольно-таки односторонний, однако таковыми являются, судя по материалам этого сборника, и стереотипные представления о представителях других народов – ляхах, жидах, цыганах и немцах.

Если в пословицах достаточно трудно определить, о каком из значений слова «москаль» идет речь – о национальности или о сословии, и часто кажется, что большинство примеров может относится именно ко второму значению, так как в традиции украинской культуры солдат – это шельма и вор, то в народных песнях и сказках можно, благодаря контексту, с точностью определить значение в каждом конкретном случае.

В качестве примера приведем две украинские народные песни – *Гомін, гомін по діброві* и *Світ великий, край далекий, та ніде прожити....* В обеих песнях в качестве обобщенного образа задействован «москаль», олицетворяющий само Российское государство. Первая песня, очевидно, возникла раньше, так как в ней речь идет

26 *Номис, Матвій* (уклав). Українські приказки, прислів'я і таке інше. Збірники О.В. Марковича та інших. Київ: Либідь, 1993. С. 86-88.

о совместной борьбе украинцев и русских против татар, поляков и турков. Песня оформлена в виде диалога между матерью и сыном: мать отсылает сына поочередно к орде, ляхам, туркам и москалям:

«Іди, сину, іди, сину,
Іди, сину, пріч від мене!
Нехай тебе, нехай тебе,
Нехай тебе орда візьме/ турчин візьме/ ляхи візьмуть/ москаль візьме...».[27]

Сын отвечает матери, что те его хорошо знают – орда десятой дорогой объезжает, турки серебром-золотом задаривают, ляхи медовухой поят, а москаль давно его к себе жить зазывает. Заканчивается такой диалог весьма оптимистично – уверенностью в удачном выборе союзника-москаля, у которого хорошо жить, с которым «вместе татар, турок бить»:

«У москаля добре жити,
У москаля добре жити:
Будем татар, турків бити,
Будем татар, турків бити!».[28]

Таким образом, в стереотипе «москаля» в украинском фольклоре существует и положительный концепт, который проявляет себя в оппозиции «свой – враг», где врагом может быть представитель других, упомянутых в песне, народов, но не «москаль».

Во второй песне – *Світ великий, край далекий, та ніде прожити*..., обработан очень деликатный момент истории украинского народа – разрушение Запорожской Сечи в 1775 году российскими войсками согласно манифесту российской императрицы Екатерины II «*Об уничтожении Запорожской Сечи и о причислении оной к Новороссийской губерний*». Даже в таком контексте «москаль», являющийся, по мнению составителей песни, главным виновником, положившим конец «золотому веку» украинской истории, представ-

27 Українські народні пісні. Київ: Державне видавництво образотворчого мистецтва і музичної літератури УРСР, 1960. С. 28–29.
28 Там же.

лен не как враг, а наделен отрицательными моральными качествами: он, прежде всего, – разбойник, вор:

«...Ой із Низу, із Лиману вітер повіває,
А вже ж москаль, а вже москаль Січу обступає.
Васюринський козарлюга не п'є, не гуляє
Та все свого отамана рано пробужає:
«Та встань, батьку отамане, кличуть тебе люде,
Ой як станеш ти на башті – москаля не буде!»
А москалі не дрімали, запас одбирали,
А московські старшії церкву грабували:
Та беруть срібло, та беруть злото, воскові свічі,
Ой заплакав пан кошовий з старшиною в Січі...».[29]

Ярыга и москаль – два полюса стереотипа русского в украинской культуре

Вследствие провозглашенного в 1654 году союза Украины с Россией, российские войска размещаются на территории Левобережной Украины. «Массовое» знакомство малороссов-украинцев с великороссами-русскими происходит в результате повседневных контактов местного населения с российскими солдатами, которые воспринимались как защитники от ляхов-поляков. С другой стороны, на бытовом уровне «квартирование» военных в домах местного населения было связано с разного рода «неудобствами». Солдатский разгул вызывал у местного населения негодование, военная форма, ставшая для ее носителей символом власти, управы, вызывала чувство стеснения, угнетения. Эти два аспекта стереотипа «москаль» отображены в текстах интермедий (интерлюдий) к школьным драмам XVII–XVIII вв. – комических сценок, возникших из вертепной традиции и разработанных до уровня отдельного жанра преподавателями и студентами Киевско-Могилянской академии

29 Історичні пісні. *І.П. Березовський, М.С. Родіна, В.І. Хоменко* (тексти), А.І. Гуменюк (мелодії). Відповідальні редактори *М.Т. Рильський і К.Г. Гуслистий*. Київ, Наукова думка. 1961. С. 559.

и других учебных заведений Украины того времени. Главными героями интермедий являются социальные типы – дед, баба, мужик, казак, поп, солдат а также представители разных народов – москаль, литвин, лях, жид, цыган, часто в них фигурирует черт. Как видим, тот же набор национальностей, как и в пословицах, однако, в текстах интермедий можем с точностью определить о каком значении слова *москаль* идет речь. В интермедиях представители всех национальностей, кроме цыган и жидов, говорят на своих языках: литвин – по-белорусски, лях – по-польски, москаль – по-русски.

В качестве примера можем привести две интермедии Митрофана Довгалевского. В первой из них – третьей интермедии из драмы «Комическоє дійствіє», казак в мыслях жалуется матери на свою судьбу: угнетали его турки и татары, теперь он свободен, но не может найти себе места, поэтому уедет на Сич, там будет искать свою долю, послужит силой своей москалю. Казак невольно становится свидетелем произвола помещика-ляха, который во время соколиной охоты велит слугам побить своих подданых-литвинов. Лях похваляется перед своим другом снова опустошить Украину по самую Полтаву, вернуть старую славу Польши, загнать казаков в лес. Казак выходит из себя, зовет на помощь своего земляка «земку-москаля», который предлагает казаку начертить на спинах поляков рубежи старой Польши. Казак соглашается:

Козак: ...Земку! О, земку! Швидко давай поратунку!/Ось тут добичи візьмем не одну вже сумку!/ Тут-то від злота ляхи да від срібла сіяють!

Москаль: Што они тебя, гаспадин пан-казак, не ругают ли?

Козак: Де ж пак не лають? От так лають, що аж лихо!

Москаль: Добро ти, казак! Вось ми уберем их тихо!

Поляк: Numy też, bracia, chwytac do swego oręża,/ Aby nie utracic żadnego żołnierza!

Москаль: Казак, приймайся! Не бойся!/ Бери з плечей двоих,/ А я тотчас уберу далгополих от тих!/ А што здесь о рубежах они спаминали,/Будто ляшонки Украйну в облястях держали,/ Добро! Вот покажем рубежи кнутами на спине!

Козак: І добре, земочку, щоб другий пам'ятав, /Да й дідчой своєй

дитині заказав![30]

Как видим, в данном примере в образе «москаля-земки» воплощено коллективное представление о россиянине-союзнике, справедливом защитнике. Положительный концепт стереотипа русского в XIX веке вытеснен из украинской культуры вследствие того, что Украина становится частью Российской империи, в которой «москаль» ассоциируется с властью и насилием, однако, как это будет показано в дальнейшем исследовании, этот концепт на определенный период снова возвратится в украинскую литературу в XX веке, после второй мировой войны.

В третьей интерлюдии к школьной драме «Властотворний образ» реалистически изображается случай из ярмарочной жизни. Отец и сын приезжают на ярмарок. Отец оставляет сына стеречь добро на возе, а сам идет за покупками. Сын напоминает отцу, что нужно купить и просит не напиваться, как давеча, когда он ему (сыну) разбил губу. После ухода отца на сцену ступают военные ярыги (мужик называет ярыгу «капраній», т.е. капрал). В одиннадцатитомном Словаре современного украинского языка подаются следующие значение слова «ярига»: «1) представник деяких груп найбіднішого населення Російської держави XVI–XVII ст.; 2) в Російській державі XVI–XVII ст. нижчий служитель у приказах, який виконував поліцейські функції; 3) розм. заст. – п'яниця, гультяй, безпутна людина».[31] В словаре Гринченка о ярыге сказано «Ярыга, низшій служитель для разсылки и пр.».[32] Образ ярыги находим в украинском народном творчестве и произведениях украинских литераторов, начиная с XVII века. В украинской думе «Про Самійла Кішку» казаки во время побега из рабства на турецкой галере, переразав всех турков, оставляют в живых своего бывшего надзирателя Ляха Бутурлака, сделав его военным ярыгой – «Тільки Ляха Бутурлака не зрубали,/ міждо військом для порядку/за військового

30 Інтермедії // Українська література XVIII ст. Київ: Наукова думка, 1983. С. 364.

31 Словник української мови. Т. 11. Київ: Наукова думка, 1980. С. 647.

32 *Грінченко.* Словарь української мови. Т. 4. С. 541.

яризу зоставляли...».[33] В другом варианте этой же думы турецкий баша посылает на галеры ярыгу подслушивать разговор Бутурлака с невольниками.[34] Иван Котляревский, описывая ад в бурлескной травестии *Энеида*, помещает ярыжников в один котел вместе с пьяницами, обманщиками и мотами.[35] Очевидно, что в обиходной речи слово «ярыга» обозначало беспутного человека, пьяницу, разбойника. В таком значении это слово употребляется и в произведениях современных украинских литераторов, преимущественно в сочинениях исторической тематики.[36]

В рассматриваемой интерлюдии к школьной драме «Властотворний образ» ярыги «озвучены» по-русски (одного из ярыг зовут Аврюха Кирпичов), что однозначно определяет национальность этих персонажей. Они хитростью отвлекают внимание мальчика и воруют с воза мешки с пирогами. Возвращается отец, ругает сына и передумывает купить ему обещанный подарок – новую шапку. Ярыги появляются снова, предлагая отцу купить у них шапку. Не сторговавшись в цене, отец прогнал ярыг, но добра своего не вернул. Данная интерлюдия позволяет нам предположить, что изначально в стереотипе русского отрицательный концепт был связан с понятием «ярыга-пройдоха», которому приписывались отрицательные черты, позже проектированные на понятие «москаль». Ярыга – не только мошенник и вор, он надмен, склон к насилию и унижению других:

Ярига
Не ври много, хахол! Рожу растаскаю,
І з галави валаса всіє те позриваю!
Прийми єво харашо, б...о сина,
Штоб он вієдал, с...ой син, каков я детина![37]

33 *Думи.* Упорядник А.Г. Нудьга. Київ: Радянський письменник, 1969. С. 85.

34 Там же. С. 93.

35 *Котляревський, Іван.* Твори. Київ: Державне видавництво художньої літератури УРСР, 1960. С. 106.

36 См. примеры в Словник української мови. Т. 11. 1980. С. 647.

37 Інтермедії. С. 368.

В приведенных примерах привлекает внимание фонетический принцип передачи речи ярыги и москаля – аканье (*харашо, рагі (роги), валаса, дарага*), окончание *-во* в род. падеже местоимения *он* и прилагательных мужского рода, оглушение звонких согласных в конце слова (частица *веть*) и пр. В речи казака, отца, сына и других украинских персонажей все перечисленные фонетические черты отсутствуют: *Батько: А що дам, пане капраній, за сюю шапчину?/ Коли б не дорожився, то б я купив сину*.[38]

Те же герои и тот же способ их языковой стилизации присутствуют и в интермедиях других авторов, например, профессора Киевско-Могилянской академии Георгия Кониского. В первой и второй интермедиях из пяти к драме «Воскресение мертвых» четко противопоставлены ярыга и москаль. В первой интермедии ярыга помогает казнить бабу, обвиняемую в колдовстве (роль, видимо, не самая благородная), а во второй – москаль помогает крестьянину-украинцу расправиться с хозяевами, требующими от него убить еврея. Крестьянин сопротивляется приказу, однако боится навлечь на себя гнев хозяев, он зовет на помощь земку-москаля. Москаль прогоняет хозяев. Из приведенных примеров следует, что концепты «москаля» и «ярыги» в XVII–XVIII веках являли собой два полюса – положительный и отрицательный, стереотипа русского в языковой картине мира украинцев. В дальнейшем исследовании раскроем механизм утери одного из полюсов в стереотипе, т.е. покажем, каким образом концепт «москаль» наделялся семантическими атрибутами концепта «ярыга».

Москаль-чаривнык

Из интермедий образ москаля переходит в сочинения Ивана Котляревского и его многочисленных эпигонов. В водевиле *Москаль-чарівник*, пользующимся огромным успехом как у украинцев, так и у русских, Иван Котляревский изображает шельмоватого солдата-русского, квартирующего в украинской семье. Не добившись

38 Там же. С. 366.

от хозяйки обеда, москаль притворяется спящим и выведывает, где у нее припрятан обед для гостя, зачастившего к ней, пока ее муж в отъезде. Внезапно возвращается муж, хочет пообедать, но хозяйке неловко признаться, что она приготовила обед для гостя. Москаль предлагает мужу колдовством накормить его, отсылая незадачливого хозяина туда, где припрятан обед. Муж уже совсем было поверил в чародейство москаля, но тот решил «призвать» в дом самого нечистого в образе гостя хозяйки. Молодая хозяйка сознается во всем мужу, а москаль подтверждает ее рассказ. Все смеются шутке москаля.

В данном водевиле москаль наделен чертами хитрого, лукавого лжеколдуна. Обращаясь к нему в шуточной песне, хозяйка-Тетяна несколько раз повторяет этот эпитет: *Одчепись, не в'яжись, лукавий москалю!* Она попрекает москаля в том, что он силой хотел заставить ее накормить его, сравнивает его с вором, называет пройдохой: *Я – хазяйка, ти – пройдисвіт; що ж ти розхрабрився? Оглядайся, щоб у чорта сам не опинився!.../ Ти підкрався, як той злодій, до чужої хати...* В диалоге Тетяны с москалем звучат четко сформулированые отрицательный и положительный концепты стереотипа москаля. Тетяна говорит о том, что москали не для того посланы, чтобы в своем цартве калечили людей, а москаль продолжает ее мысль – а для того, мол, «чтобы вас, мужиков, защищать от неприятелей».[39]

С другой стороны, и Финтик (гость) и Михайло (хозяин) склоняются к отрицательному стереотипу москаля – типичный москаль, по их мнению, буянит, избивает хозяев:

> *Финтик: Та це ж найпершая замашка у москаля, щоб на квартирі хазяйку налякати, хазяїна вилаяти і гармидеру такого наробити, що не знаєш, де дітись...*[40]
>
> *Михайло: Це диво, що москаль голодний заснув, не побивши хазяйки.*[41]

39 *Котляревський.* Твори. С. 299.
40 Там же. С. 301.
41 Там же. С. 302.

В перепалке между Михайлом и Москалем достаеся и москалям и хохлам (хохол – ведущий концепт стереотипа «украинец» в языковой картине мира русских):

Солдат: У нас пословица есть: хахлы никуда не годятся, да голос у них хорош.[42]

Михайло: Пословиця?... Коли на те пішло, так і у нас єсть їх против москалів не трохи. Така, напримір: з москалем знайся, а камінь за пазухою держи; од чого ж вона вийшла, сам розумний чоловік догадаєшся.[43]

На вопрос Москаля *Ну, хозяйка, каков я чародей?* Тетяна отвечает: *Великий!... Но більше хитрий, настоящий москаль*,[44] еще раз подчеркивая главный атрибут концепта москаль – хитрый, лукавый. Необходимо добавить, что в украинском языке слово «лукавий» в качестве субстантива употребляется и в значении «черт».

Лжеколдовство москаля открыто противопоставлено концепту «характерник», присущему украинской лингвокультуре. В языковой картине мира украинцев одной из отличительных черт украинских воинов-казаков, возведенных в народном представлении в образ мифологических героев, витязей,[45] является их обладание сверхъестественной силой, источником которой может быть и «снюхивание» с самим нечистым. Например, в романе украинского писателя XIX века Пантелеймона Кулиша *Чорна рада* казак Петро Шраменко следующим образом рассуждает о запорожцах: *А що, як справді він характерник? Чував я не раз од старих казаків, що сі бурлаки, сидючи там у комишах да в болотах, обнюхуються з нечистим. Викрадали вони з неволі невольників, да й самих туркень, іноді так мудро, що справді мов не своєю силою. Не дурно, мабуть, іде між людьми поголоска про їх характерство... Утікає од татар, розстеле на воді бурку да й попливе, сидя, на другий берег... Ну, то вже дурниця, що*

42 Там же. С. 309.

43 Там же. С. 310.

44 Там же. С. 312.

45 Слово «лицар» (рыцарь) в качестве одного из эпитетов казака-запорожца часто встречается в украинских эпических песнях – думах. *Думи.* Упорядник А.Г. Нудьга. С. 147–152.

ляхи з переполоху провадять, буцім запорожці ростуть у Великому Лузі з землі, як гриби, або що в запорожця не одна, а дев'ять душ у тілі, що поки його вб'єш, то вбив би дев'ятеро простих козаків. Може, не зовсім правда й про бурку. А що запорожцеві вкрасти, що задумає, то мов із гамана тютюну дістати. Вони напускаютьману на чоловіка...[46]

В данном контексте атрибуты москаля-солдата – нечистая сила, хитрый мошенник, коварный и вор представляются совсем логичными, однако их бурлескная подача, характерная для творчества Котляревского, придает концепту «москаль» шутовское звучание.

С другой стороны, лукавый располагает неестественной силой, попавшие в его власть, соблазненные самым вожделенным, могут искупиться только ценой многих страданий – своих и чужих. В произведениях Тараса Шевченко, рассматриваемых в контексте авторского мифа Украины, высветлен именно этот атрибут концепта «москаль». Упрекая Богдана Хмельницкого в том, что тот, скрепив союз с Россией, продал Украину (*Розрита могила*), он видит в таком альянсе причину ненормального развития украинской истории. Однако, необходимо подчеркнуть, что «москаль» в структуре мифа Украины, созданного Тарасом Шевченко – это, прежде всего, мифологический архетип души, проданной дьяволу, не совпадающий с конкретным этнонимом.[47]

«Москаль» и русский человек

Этноним русский, чаще всего в словосочетаниях *русский человек, русские люди*, можно встретить в XIX – начале XX века в дискурсах определенного жанра – дневниках известных представителей украинской культуры, их переписке, но не в литературных сочинениях, где стойко укрепился этноним «москаль». Например, в творчестве Тараса Шевченко слово *москаль* упоминается 117 раз

46 *Куліш, Пантелеймон*. Чорна рада // Твори в двох томах. Київ: Наукова думка, 1994. Т. 1. С. 86.

47 См. об этом *Забужко, Оксана*. Шевченків міф України. Спроба філософського аналізу. Київ: Абрис, 1997. С. 88, 99–142.

– из них в значении «солдат» – 70 раз, в значении «россиянин» – 33 раза[48] и всего 2 раза употреблено прилагательное *руський* в значении «русский» – *руський чоловік, руські повісті*.[49] Словосочетания *русский человек, русские люди* встречаются в сочинениях Тараса Шевченко на русском языке. Сравним, например, некоторые записи в *Дневнике* поэта: 3-го октября 1857 г. – *«Русские люди... многим одолжились от европейцев и, между прочим, словом «клуб». Но это слово совершенно не к лицу русскому человеку. ...Слово «посиделки» удивительно верно изображает русские дворянские сборища»*;[50] 26-го января 1858 г. – по поводу «свадебной или святочной» русской народной песни Шевченко замечает: *«Жидовское начало в русском человеке. Он без приданного не может даже полюбить»*.[51] В то же время, дневник поэта, из которого взяты эти примеры, пестрит самыми лестными отзывами о многочисленных русских – его друзьях, которых он называет замечательными, благороднейшими людьми, а также о случайных знакомых – «людях здраво и благородно мыслящих».[52] Графиню Настасью Ивановну Толстую поэт называет только «святая заступница» и т.п. Таким образом, в своих рассуждениях о русских Шевченко одновременно пользуется стереотипом и прототипом. Стереотип шельмоватого, хитрого, невежественного москаля, москаля-черта, преобладающий в украинской литературе XIX века, полностью совпадает с результатами личного отчужденного восприятия поэтом русских людей как анонимного коллектива в контексте оппозиции Украина – Россия, дом – чужбина, родина – ссылка. Однако, в контексте творчества поэта Украина и Россия олицетворяют не конкретные хронотопы, а мифологичес-

48 Словник мови Шевченка в двох томах. Київ: Наукова думка, 1964. С. 1, 421.

49 Там же. С. 2, 220.

50 *Шевченко, Тарас.* Щоденник 1857–1858. Київ: Молодь, 1963. С. 123.

51 Там же. С. 164.

52 Там же. С. 165.

кое пространство, оппозицию между идеальным миром и миром, в котором творец мифа вынужден пребывать, отторгнутый от рая.[53]

В основе прототипа русского человека у Шевченко лежат яркие впечатления от знакомств с конкретными людьми, оставившими в душе поэта самый глубокий след. Такое двойственное восприятие иностранцев, в сущности, характерно представителям всех народов – один и тот же человек может с презрением высказываться о народе в целом, одновременно подчеркивая достоинства отдельных его представителей. Как уже было сказано, речь идет о синтезе стереотипного и прототипического механизмов ментальной репрезентации действительности.

В данном контексте необходимо выделить формальный способ, с помощью которого оппозиция украинец – русский или хохол – москаль четко очерчивается. В условиях отсутствия структуированного государства основным способом идентификации представителей одного народа – его самоопознания и опознания со стороны других, является язык. Поэтому, в рассуждениях о своем народе типичный украинец исходит из определения языковой общности, которое можно передать формулой «Украина там, где разговаривают по-украински». В подтверждение такого предположения приведем запись из дневника Александра Довженко от 27. 06. 1942 года, сделанную в городке Россошь:

> *Ось і Россош, істинно російське місто, де населення чомусь розмовляє по-українському. Кілька сот літ ніяк не встигне причаститися, ну та вже, здається, досить, вже діти всі говорять по-російськи. Питаю в сестри хазяйки:*

53 Подобное толкование хронотопа России в XX веке находим и у других украинских писателей, в частности у Александра Довженко – писателя и всемирно известного кинорежиссера, которому вследствие идеологических репрессий (опала за сценарий к фильму «Украина в огне») было запрещено жить и заниматься творчеством в Украине (см. об этом также *Поповић.* Фокусна перспектива украјинске књижевности. С. 149–169, 199–217; Грабович 1991: *Грабович Г.* Шевченко як міфотворець: Семантика символів у творчості поета. Київ: Основи, 1991. С. 71; *Забужко.* Шевченків міф України. С. 101).

- *Скажіть мені, чому у вас в Россоші так багато говорять по-українськи?*
- *Так тут багато хто так говорить...*
- *Вони українці?*
- *Ні, українці там, в Харківській і Полтавській областях, а у нас не українці. Це хохли. Ми їх хохлами звемо. Тут їх багато, більше половини населення.*

«Слава богу, подумав я, не перевелись хохли в руській землі. Так було, так є і так буде...».[54]

Исходя из такой точки зрения, становится понятно, почему в украинском фольклоре и произведениях отдельных литераторов речь москаля передается по фонетическому принципу, т.е. не в переводе, как этого следовало бы ожидать. В следующей части работы покажем, каким образом фонетический принцип передачи русского языка в произведениях украинской литературы используется с целью стилизации речи героев, становится определенным стилистическим приемом.

Украинско-русская языковая полифония в художественном тексте

На явление языковой полифонии в украинских и русских литературных произведениях, а также в дискурсах других жанров, исследователи уже обратили внимание.[55] Необходимо отметить, что в обеих культурах у этого явления долгая традиция – вспомним тексты интермедий или тексты Гоголя и Булгакова («Белая гвардия»), пересыпанные украинскими словами, фразами или цитатами из украинских песен. Украинский писатель Иван Нечуй-Левицкий пишет об элементах украинского языка в творчестве Гоголя: *«Гоголева Коробочка нагадує скоріше старосвітську полтавську поміщицю,*

54 *Довженко, Олександр.* Україна в огні (кіноповість, щоденник). Київ: Радянський письменник, 1990. С. 191.

55 *Волосевич, Інна.* Явище мовної поліфонії в літературі та свідомості // *Ї.* 2004. № 35.

а ще більше стару попадю, а не кацапку, а його московська сваха в «Женитьбе» говорить і лається зовсім так, як київська або полтавська міщанка на базарі, а не московська сваха. Собакевич – це чисто полтавське або чернігівське неповертайло, тільки не великоруське. Так й хочеться вкласти в його уста українську мову... У «Вечорах на хуторі біля Диканьки»... його українські мужики та козаки говорять по-великоруській, але часом вкидають в розмову живі та міткі українські фрази, од котрих зразу ніби оживають ті селяни та селянки... Окрім того, він подекуди сипнув епічними формами української народної поезії, переложеними на великоруський язик і трохи чудними по тій самій причині»...[56]

В текстах интермедий, как уже было раньше сказано, фонетическая передача русской речи становиться удачным стилистическим приемом, призванным реально отобразить не только этническую, но и социальную дифференциацию в украинской среде XVII–XVIII вв. В украинских литературных произведениях XIX века русскоязычными, как правило, являются все чиновники, что отражает реальную ситуацию в обществе – официальный стиль украинского языка можем встретить в актах XVI–XVIII вв. и начиная с XX века. В XIX же веке украинский язык в официальном общении отсутствует (во второй половине XIX века распоряжениями царского правительства – Валуевским циркуляром 1863 г. и Эмским указом 1876 г., запрещалось употреблять украинский язык не только в официальном общении, но и в сфере образования, области научных исследований, а также создавать литературные тексты на украинском языке). Русскоязычный чиновник, речь которого передавалась в оригинальной записи, является не только верно отображаемым реальным фактом, но и способом подтрунивания над чиновничеством и казенщиной.

В качестве примера приведем юмористический рассказ Олексы Стороженка «Вуси» (1861), в котором по-русски говорят только два персонажа –действительный статский советник и его лакей. Украинское дворянство общается между собой по-украински и только,

56 *Баштовий, Іван.* Украинство на літературныхъ позвахъ зъ Московщиною, Львів/ Нечуй-Левицький Іван. Українство на літературних позвах з Московщиною. Львів, ЛНУ ім. І. Франка, 2005. С. 110.

делая записи в книге посетителей статского советника, некоторые из них переходят на русский язык. Переплетение вычурного стиля русского языка с украинскими комментариями главного героя создает комический эффект: «*К кому вы явились? – К вашему превосходительству*, – кажу; «нехай, – думаю, – по твойому буде». – *А как вы явились? Отвечайте, милостивый государь мой! Как вы явились?* Тю на твого батька! – думаю собі, – чи ти сказився, чи натріскався кукольвану? Що за напасть така? Не знаю, що йому й казать. – *С достодолжным уважением*, – кажу...».[57] Если к этому способу стилизации добавить реальную подоплеку рассказа – запрет носить усы чиновникам, состоящим на гражданской службе, фигура статского советника, придирающегося из-за усов к новому заседателю, выглядит крайне комично.

Русская речь вперемешку с украинской становится общепринятым способом подтрунивания над провинциальной психологией «выскочек»-украинцев, говорящих «суржиком», пытающихся таким способом придать собственной персоне большую важность (Возний в драме Ивана Котляревского «Наталка Полтавка», Проня Прокоповна Серкова в комедии Михайла Старицкого «За двома зайцями» и пр.). Позже этот способ создания комического эффекта – путем вкрапливания в украинский текст фраз на русском языке, перенимается литераторами двадцатого века (тетя Мотя в комедии Миколы Кулиша «Мина Мазайло» и пр.).

Необходимо также заметить, что во второй половине XIX – начале XX вв. оппозиция украинец – москаль волновала большей частью представителей того направления, которое в истории украинской литературы принято называть «народническим». Показательным образцом народнической публицистики того времени, в которой на национально-культурном уровне выстраивается оппозиция Украина-Московщина являются культурологические трактаты Ивана Нечуя-Левицкого,[58] опубликованные в 1891 г. во Львове под псевдонимом Иван Баштовый (дозорний).

57 *Стороженко, Олекса.* Твори. Т. 1. Київ: Державне видавництво художньої літератури, 1957. С. 119.

58 *Нечуй-Левицький, Іван.* Українство на літературних позвах з Московщиною. Львів: ЛНУ ім. І.Франка, 2005.

В творчестве великой украинской поэтессы Леси Украинки элементы народничества отсутствуют. Ее поэзию и драматическое творчество лучше рассматривать как составную часть не украинской, а мировой литературы.[59] Однако, оппозиции украинец-москаль, Украина/свой мир – Москва/чужбина пронизывают насквозь и ее произведения. В частности, на таких противопоставлениях построена драма «Боярыня». В словах героя этой драмы Степана: *Не задля соболів, не для казни/подався на Москву небіжчик батько!/ Чужим панам служити в рідній краю/він не хотів, волів вже на чужині/служити рідній вірі, помагати/хоч здалека пригнобленим братам...*[60] Леся Украинка передает своеобразную попытку аполлогии украинских господ, покинувших Украину, «обезглавивших» ее таким образом. Служить на чужбине чужим хозяевам – таков, по мнению поэтессы, удел потомков украинских рыцарей.

С другой стороны, выбор псевдонима Леся Украинка украинской поэтессой Ларисой Косач продиктован не столь оппозицией в отношении к представителям других национальностей, в частности к русским, сколь, как это удачно заметила исследовательница ее творчества Оксана Забужко,[61] необходимостью идентификации культурного пространства австрийской Галиции и украинской культуры, которые в представлении населения разных частей Украины, входивших в то время в состав двух разных империй, воспринимались как явления близкого, но все-же, разного порядка.

В украинской литературе начала XX века, создаваемой в той части Украины, которая с XVIII века вошла в состав Австро-Венгерской империи, в контексте первой мировой войны формируется концепт москаля как близкого в оппозиции к «чужим» – немцам и венграм. Бессмысленная война, во время которой по противоположную линию фронта находились не только русские, но и украинцы,

59 См. об этом *Забужко, Оксана.* Notre Dame d'Ukraine. Українка в конфлікті міфологій. Київ: Факт, 2007.

60 *Українка, Леся.* Бояриня // Українське слово. Хрестоматія української літератури та літературної критики XX ст. (у трьох книгах). Книга перша. Київ: Рось, 1994. С. 110.

61 *Забужко, Оксана.* Notre Dame d'Ukraine. С. 50.

проживающие в другой империи, становится темой литературных произведений. Показательным примером в данном случае является рассказ галицкого писателя Осипа Маковея «Братання», в котором передается факт опознания русских-москалей, воюющих по другую линию фронта, как близких, родных, своих. Необходимо заметить, что в западной Украине местное население называло, и до сих пор называет, москалями не только русских, но и украинцев – выходцев из восточной и центральной Украины. Однако, и в данном случае в оппозиции «свой-чужой» москаль-украинец позиционируется «ближе», отмечается как тот, кто говорит одним, «нашим», языком: *«Христос воскресе, каже, братчику! І чого ми воюємо з собою?» Правду сказав. Нащо ми воюємо? Люди такі, як ми, ще й свої, близькі, одної віри. А сей-таки українець, цілком по-нашому балакає...»*.[62]

Концепт «Прометей» в стереотипе русского

В литературе соцреализма обозначение представителя другой национальности как «чужого» отсутствовало, чему способствовала установка на создание образа советского человека, лишенного всяких специфических национальных, социальных и даже личных черт. Если в таких сочинениях и проявлялась оппозиция «свой – чужой», то она в обязательном порядке была выстроена на противопоставлении советский человек – враг народа/ враг социализма, завоеватель. В данном контексте в качестве примера можно привести поэму Андрия Малышко «Прометей», написанную сразу по окончании второй мировой войны. В поэме описывается подвиг смоленского парня, принесшего себя в жертву во имя спасения украинского села.

Если рассматривать поэму на уровне структуры текста, в глаза бросаются оппозиции местоимений, создающие второй, знаковый, план произведения. Украинский мальчик находит вблизи села раненого русского разведчика и приводит его в свой дом, где его скрывают от немцев. В описании русского разведчика Малышко

62 *Маковей, Осип.* Твори. Київ: Державне видавництво української літератури, 1961. С. 357.

использует местоимения *наш, такий же, один*, конструируя своеобразную градацию близости – от нашего, противопоставленного ихнему: *А влітку в них такі ж зозулі... І в нас, і в них – цвіте в маю... Дніпро із їхніх шум-борів/ Тече до нас... І їхній край, як наш, горів...*, через такое же, одинаковое – *А влітку в них такі ж зозулі... А в матерів/Такі ж смугляві, чесні руки...* – к общему, единому: *Жита одні, в однім краю...* (игра слов: один – «тот же» и «общий»).[63] Автор посвящает опознанию героя в качестве «своего, нашего, общего» четыре строфы поэмы. Такое описание, по-видимому, имело целью отбросить создавшийся в народной культуре отрицательный стереотип, воссоздать старый концепт «защитник» в стереотипе русского. Если все одинаковое, то что же разное? На этот вопрос автор отвечает имплицитно, вставляя в поэму строфу из русского романса в оригинальной записи – в качестве характеристики героя. Воспроизведение отрывка из романса на русском языке в данном украинском литературном произведении преследует совсем другую цель, чем во всех ранее приведенных примерах. Малышко рисует психологический портрет русского. Русская песня отмечена эпитетами «глубокая», «тихая», профилируя именно эти черты русского характера – глубину и смиренность.

Подчеркивая близость русского героя украинской культуре, Малышко вводит в поэму сцены, в которых мальчик читает разведчику единственную уцелевшую в доме книгу – «Кобзар» Тараса Шевченко. Из стихотворения Шевченко «Кавказ» смоленский парень узнает о Прометее, совершившем подвиг во имя спасения человечества. Малышко «оставляет за кадром» факт, что «Кавказ» посвящен борьбе кавказских народов за свою независимость, что русскому разведчику не могло не броситься в глаза частое упоминание этнонима *москаль* в отрицательном контексте в других произведениях Шевченко. Такая оппозиция в поэме снимается как анахроничная, отжившая свое в новом обществе.

В качестве чужого в поэме «Прометей» отмечен завоеватель – немецкий оккупант. В сцене вламывания немецких оккупантов

63 *Малишко, Андрій.* Вибрані твори у двох томах. Т. 2. Київ: Дніпро, 1982. С. 274.

в украинский дом несколько раз употребляется эпитет «чужой» – в словосочетаниях *чужой сапог* (автоматическое подключение ассоциативного ряда «угнетатель») и *чужое слово* (восприятие чужого как говорящего на другом языке): *Ворота впали; од воріт / Сліди підкованих чобіт, / Чужих чобіт, чужого слова...*[64]

В сцене опознания разведчика на очной ставке украинские крестьяне все до единого заявляют, что он «наш». За него, «своего», они готовы отдать жизнь – *кров за кров*, т.е. пожертвовать себя за своего кровного родного: *Це ваш? – Це наш, – говорить дід./ Це наш, – хлопчак за дідом вслід...Це наш, – дівча ступа охоче... – Це наш, – і клоняться к землі... Це наш, ми клянемось на тім!... – Це наш, ми кров дамо за кров ».*[65] Таким образом выстраивается оппозиция: наш/ русский – чужой/ немец. Разведчик, подобно Прометею, приносит себя в жертву. В дальнейшем тексте поэмы впервые употребляется местоимение *свой*: *І тіло – так! Своє це тіло/ І сонце інше засвітило/У кронах чорних яворів....*[66] Таким образом, принесение героя в жертву на мифологическом уровне снимает оппозицию между украинцами и русскими. Как и в любом мифе, оппозиция одного уровня перестает существовать, снимается на высшем уровне его спиралевидной структуры.

Русский язык как стилистическое средство в украинской литературе последних десятилетий

Возвращение к фонетическому способу передачи русской речи в с целью создания комического эффекта часто наблюдается в современной украинской литературе – в так называемом ироническом модерне конца XX века, а также в произведениях украинских постмодернистов, отличительной чертой которых является всякого рода полифония, в том числе языковая. В произведениях представителей неоавангардных поэтических групп, таких как *Бу-Ба-Бу, Пропала*

64 Там же. С. 279.
65 Там же. С. 282.
66 Там же. С. 283.

грамота и др., фразы на русском языке в фонетической записи становятся одним из формальных средств выражения иронии в эстетике общего протеста против разного рода клише в искусстве: *«Слушай, чювак, тваї гєнії/ Нам глубоко до фєні./ Паєхалі, ілі... – Та ну їх, ще скрутять шию...»*.[67] Необходимо заметить, что в данном случае «русскоговорящим» не обязательно является русский. Такая передача речи характерна для образов, жизненные ценности которых резко отличаются от установок автора, т.е. русскоязычным в украинском тексте становится «чужой» в культурологическом смысле.

В качестве иллюстрации в данном случае используем также роман ведущего современного писателя-постмодерниста Юрия Андруховича «Московиада», написанный в 1992 г., «по свежим следам» после провозглашения Украины независимым государством. Действие этого карнавального романа сосредоточено в Москве, ассоциируемой в контексте произведения с адом (в предыдущем романе Андруховича «Рекреации» этот мифологический хронотоп был помещен в выдуманном украинском городе Чертопиль). «Хождение по мукам» главного героя подается на фоне экономической и социальной разрухи, полного развала «империи зла». Андрухович прибегает к стилизации речи отдельных образов путем фонетической записи русских фраз в двух случаях. В первом, такая стилизация имеет целью передать отрицательное отношение главного героя к отдельным персонажам. Например, в сцене в закусочной на Арбате много участников, большинство которых, необходимо предполагать, разговаривает по-русски. Однако, автор помещает в украинский текст романа фразы на русском языке только при передаче слов кассирши, которая явно «не по нутру» главному герою: «*Што нє відітє, чєловєку плохо!* – кричить на всю залу касирка. *Стаят как х()!* – обурюється вона...».[68]

Позже герой иронизирует по поводу ее манеры речевого поведения: «Ця мила московська звичка до всіх звертатися на ти! Цей

67 *Либонь, Семен.* Ексцес у трамваї // Позаяк, Недоступ, Либонь 1991: *Позаяк, Юрко, Недоступ, Віктор, Либонь, Семен.* Пропала грамота. Київ: Радянський письменник, 1991. С. 80.

68 *Андрухович, Юрій.* Рекреації. Романи. Київ: Час, 1997. С. 168.

прояв вселеньскості, вселюдськості, всебратськості російського національного духу!».[69] В данном случае образ кассирши становится шрихом в стереотипе русского, о котором было сказано выше.

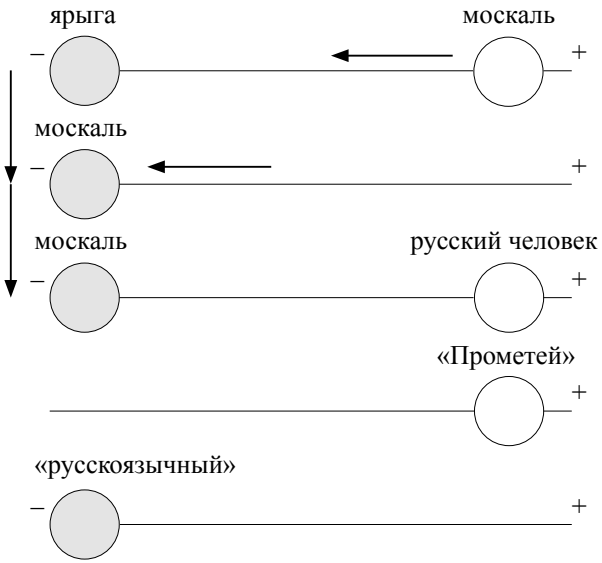
По-русски в романе «озвучен» и дедок-вахтер, который в мифологическом пространстве романа может быть истолкован как Харон в преддверии ада. В самом аду, «конференц-зале», собраны аллегорические образы – Иван Грозный, Дзерджинский, Ленин, Минин-и-Пожарский, Суворов, Екатерина Великая, которые под руководством Черного Чулка рассуждают о том, как им «обустроить государство». То, что дедок говорит по-русски показательно – черту между своим и чужим пространством охраняет тот, кто ближе потустороннему. Таким образом округляется отождествление ада с русскоязычным «чужим» миром, представляющим латентную угрозу «своему».

Топологическая схема стереотипа «русский»

В результате нашего исследования можем прийти к выводу о том, что стереотип русского в языковой картине мира украинцев, рассматриваемый в диахроническом аспекте, может быть представлен множеством оценочных шкал, каждая из которых соответствует определенному историческому периоду.

Центральными концептами первичного стереотипа русского в украинской культуре, сложившегося в XVII–XVIII веках, являются «ярыга» и «москаль». В схематическом изображении структуры данного стереотипа эти концепты помещаем на первую шкалу, отображающую его двухполюсную организацию – при этом концепт «ярыга» отмечен отрицательно, а концепт «москаль» положительно. На второй шкале остается только концепт «москаль», передвинувшийся к отрицательному полюсу. На третьей шкале выстраивается оппозиция между отрицательно маркированным концептом «москаль» и положительно отмеченным концептом «русский человек». На четвертой шкале отсутствует отрицательный полюс, концепт, условно обозначенный как «Прометей», отличается только положительными семантическими атрибутами. На последней шкале, со-

69 Там же. С. 171.

ответствующей современному периоду, доминирует отрицательный концепт «русскоязычный», объединяющий представление о носителе другой системы ценностей, украинце-провинциале, общающемся на смеси украинского и русского языков – так называемом суржике. Таким образом, стереотип русского охватывает концепты разного уровня, по-разному отмеченные со стороны оппозиции «свой – чужой». В этом стереотипе часто представлены разные семантические атрибуты, однако, необходимо заметить, что в нем абсолютно отсутствует атрибут «враг», входящий в стереотипы некоторых других ксеноэтнонимов.

Схематическое изображение развития стереотипа «русский» в украинской культуре